

Век пластика

Рождённые в гремящий век железный,
Мы думали: что может быть страшней,
Чем на руках следы звенящих лезвий,
Чем на лугах следы стальных коней?

Но пластиковый век пришёл незримо:
Без стука—в дверь, непрошенный—за стол;
Ненасущный—и неодолимый,
Невыносимо тяжкий—и пустой.

Воды дистиллированной начислил
В бессмертный одноразовый стакан—
И зацвели болотистые мысли,
Как реки, что не целят в океан.

Казалось, будет мягче и удобней,
Уйдут в утиль ножи и топоры...
Но сколько скрыто настоящей злобы
В искусственных улыбках до поры!

Казалось, что в комфорте верить легче
И в сытости о вечном рассуждать...
Но пустоту в душе комфорт не лечит,
Но вере сытость хуже, чем нужда.

И слышу, пластик шепчет мне всё чаще:
«Прими как есть, забудь про всё, усни...»
И я, уже почти ненастоящий,
Всё реже спорю с ним

Сорок армий

Сорок армий пришли в мой дом
И поили меня огнём,
С автоматов кормили меня,
Обезумевшего от огня.
Близким тоже не век горевать—
В ряд в кровавую ляжем кровать,
И на мёртвых наших глазах
Город наш превратится в прах.

Но я встану, и я пойду,
Сорок стран на Земле найду,
И, невидим и вооружён,
Злой, безумный исполню закон,
Чтобы в ваших живых глазах
Отразились и боль, и страх,
Чтобы небо вам застил дым...
Не за мёртвых—назло живым.

Тетрино

*Терский берег знаменит табунами. По одной
версии—это выжившие предки лошадей тарпаны,
по другой—одичавшее совхозное стадо.*

Из путеводителя

На Беломорье раздольно и ветрено,
Дышится духом поморским исконным.
Возле селенья старинного Тетрино
Топчут прибой густогривые кони.

То ли тарпанов пропавших приятели,
То ли колхоза пропавшего стадо...
Не боязливы, скорее—внимательны,
Даже, наверно, по-своему рады,

Что ради шкуры и мяса не проданы,
Скучно, но кормит куда природа;
Жалко, навек ускакали от родины,
Жалко, навек оторвались от рода.

Даль преломляется в окнах потресканных
Изб, позабывших своих домочадцев:
Так бездорожьем от мира отрезаны—
Легче в иной мир отсюда домчаться.

Жалко селенья у самой окраины:
Избы вот-вот соберутся гурьбою
С ветра порывом, вздохнут, неприкаянны,
И за конями уйдут по прибою.

Как добротна мебель из дерева
И тепла доброю лес!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словно душный бездушный ящик,—
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава Богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

Старик

На здоровье не сетовал—молча недужил:
Он зарёкся давно о плохом разговаривать.
С овощей нестандартных готовил на ужин
В старой мятой кастрюльке какое-то варево.

А ему разносолов не очень и надо:
Чем богат—тому рад. Да и что в этом странного,
Если только родился—и сразу блокада,
Если спасся на супе из клея столярного?

Жил в хрущёвских хоромах—аж тридцать квадратов!—
Так хвалил он жильё, что ругают полгорода.
Заселялся с женой, её мамой и братом;
Жаль, остался один—стало пусто и... дорого.

Но в квартире грустить даже в чём-то неловко—
Как до этого жили, едва ли забудется:
Столько лет по землянкам, баракам, бытовкам,
Где внутри теснота, а удобства на улице.

От судьбы и от власти не требовал много:
Ни в собесы, ни в церковь ходить не приученный,
Он о Боге не знал, но предчувствовал Бога—
Бог был верой в людей и надеждой на лучшее.

Было трудно—смеялся: не такое, поверьте,
Повидал на веку—что, мол, старому станется?..
Для того, кто с рожденья на волос от смерти,
Жизнь—не чёрное поле, а светлое таинство.

Ты сегодня смеялась во сне.
Я в ответ улыбался полночи:
Так светло в темноте было мне,
Словно смех этот счастье пророчил.

Пусть полгода снега за окном,
До весны не хватает лишь малости:
Чтоб не только во сне, но и днём
Беззаботно, как в детстве, смеялась ты.

Немеют затёкшие руки—
Не руки почти, а поленья,—
Но жалко покой рушить хрупкий:
Дочка спит на коленях.

Дыханию детскому внемлю
Как чуду. И верится втайне:
Так небо заботливо Землю
Держит в ладони бескрайней.

Поверьям вняв, как гибели бегут
Спины горбатой и кривого глаза—
Суров и скор дремучий мудрый суд:
Души изъян с изъяном тела связан.
Бог шельму метит—примечай черты,
Верь верным, сто веков знакомым знакам...
Я ж глянцевою пугаюсь красоты,
Где дух иссох под чёрствым мёртвым лаком,
Где, словно в манекене, пустота,
И даже эха нет—темно и глухо.
Боюсь пустот... А чёрного кота
Люблю чесать за чёрным чутким ухом.

Долго ли, какой заветной тропкою
Счастье шло—и вдруг ко мне идёт.
Я ж стою, глазами глупо хлопаю
И, глядишь, прохлопаю вот-вот.

Лучше б беды принесло с заботами—
Как родных с порога обниму:
Против них приёмы отработаны,
Что со счастьем делать—не пойму.

Но, моё увидев замешательство,
Счастье шаст ко мне на зависть всем.
—Заживём,—мурлычет,—замечательно!
—Долго ли?
—Пока не надоем.

Осень, манят спозаранку
Жёлтые твои пути—
Век бродил бы, как цыганка:
Ручку мне позолоти!

Ветер выдует из дома
Вслед за тучей кочевой.
Пышет осень, словно домна,
Жёлтым жаром и тоской.

Дождь просеянный искрится,
Желтотравье серебря.
Осень, от тебя не скраться!
Где уж скрыться от себя?

Скоро листья долистает
Постаревший за год год.
Осень, мне бы с птичьей стаей!
Только кто же меня возьмёт?